

ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

Валентина Марковна Складенко Ирина Анатольевна Рудычева Иван Айвазовский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4429697

Иван Айвазовский.: Фолио; Харьков; 2010

Аннотация

Выдающийся живописец Иван Константинович Айвазовский вошел в историю мирового искусства как маринист-романтик, гений классического пейзажа, чьи работы известны и высоко ценятся во всем мире. Он сумел синтезировать в своем искусстве поэтическое видение природы с почти документальным воспроизведением сюжетов, связанных с историческими событиями – морскими сражениями, походами и экспедициями. При всей ясности и открытости пройденного им пути Айвазовский все же продолжает казаться фигурой загадочной, и загадка его состоит в уникальном сочетании жизненных и творческих линий судьбы, сложившихся в великолепную композицию.

Содержание

Феодосия. Корни. Детство	8
Счастливая встреча	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В. Скляренко, И. Рудычева

Иван Айвазовский

...Айвазовский, кто бы и что ни говорил, есть звезда первой величины, во всяком случае, и не только у нас, а в истории искусства вообще...
Художник И. Н. Крамской

Его искусство – искусство победы человека и человечности, отрицание деспотизма и насилия. Айвазовский – художник бурной жажды свободы и ее прославления.
Художник Мартирос Сарьян

Исидор Дюкас (псевдоним граф де Лотреамон) своими «Песнями Мальдорора» словно озвучил полотна самого знаменитого в мире художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского. Дюкас писал: «Окидывая взглядом бескрайнюю пустыню неторопливых вод, ты с полным правом наслаждаешься своей естественной красотой. Величественный покой – лучшее из всего, чем наградил тебя Творец, твое дыхание размеренное и сладкое, преисполнено беззаботности и вечной непреодолимой мощи; загадочное, непостижимое, без отдыха гонишь ты чудо-воды во все концы своих владений. Едва откатится одна волна, как на смену ей растет другая, закипает пеной и сразу же тает с грустным роптанием, которое словно напоминает, что в этом мире все эфемер-

но, как пена».

Море изменяется каждую долю секунды. Оно то беспрдельно ласково и величаво спокойно, то взволнованно, тревожно, а может быть разгневанным и немилосердным. В зависимости от своего настроения вода меняет и цвет, морская гладь превращается из нежно-голубой или буро-зеленой в серо-охристую или свинцово-черную. Умение реалистично передать состояние и цветовую гамму водной стихии считается одной из самых сложных художественных задач. Возможно, поэтому морской пейзаж, или марина, выделен в особый жанр. Первыми начали «покорение» морских пучин кистью и красками фламандские художники (Питер Брейгель Старший), а марине, как новой разновидности пейзажа, мир обязан голландским мастерам. Но и они поначалу создавали «портреты» кораблей или изображали битвы. «Чистая» марина появилась лишь в XIX веке, когда пришло осознание, что передать на холсте подвижность моря можно, лишь используя воображение, без попыток копирования. С тех пор любой художник периодически отдавал дань притягательной морской стихии, но только Иван Айвазовский практически целиком посвятил свой талант маринистической живописи. Наделенный от природы блестящим дарованием, он создал незабываемые поэтические образы моря в самых разнообразных его проявлениях и снискал себе всемирную славу «певца моря», «гения морской пучины» и «романтика моря».

Айвазовский – яркий пример точного «попадания» в собственную судьбу. Ему везло во всем – в творчестве, в научных изысканиях, в дружбе, в учениках, в общественной деятельности. Он был обласкан при дворе, но предпочел жить в родной Феодосии; он мог вести жизнь праздного богача, но занимался археологическими изысканиями и помогал огромными средствами городу. Его творческое наследие насчитывает около шести тысяч полотен, а по количеству выставок – 120 – ему до сих пор нет равных в мире. Но и Айвазовскому доставалось от критиков: его упрекали в том, что, мол, художник не должен печь свои картины как блины. Так, известно высказывание критика Стасова: «...Айвазовский до такой рутины дописался... со своими вечно голубыми морями, лиловыми горами, розовыми и красными закатами, со своим вечно дрожащим лунным светом и с прочею застарелою и застывшею неправдой и преувеличением...» Живописцу пеняли, что он не работает на пленэре, на что выдающийся мастер марины отвечал: «Движение живых стихий неуловимо для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны немыслимо с натуры».

А вот в советский период творчество Айвазовского и вовсе превратили в маскульт: чуть ли не каждом заведении общепита, в Доме культуры красовались репродукции его картин, особенно «Девятый вал». Не художник породил маскульт – это маскульт целое столетие пытался превзойти Айвазовского. Но этого не сумели сделать даже лучшие

его последователи – Боголюбов, Блинов, Судовский; каждый словно взял только часть дара великого мастера. Видно, не зря Достоевский, отдавая должное Айвазовскому, сказал: «Здесь он мастер без соперников».

Иван Константинович был не только «певцом моря». У него есть серия полотен, посвященных Колумбу, и «Наполеон на острове Св. Елены», и собственная «Гибель Помпеи», и «Пожар Москвы 1812 г.», и «Древняя беседка готическая», и прославленный «Хаос», и «Сцена из каирской жизни», и «Чумаки», где степь – как море, пыль – как монохромная радуга, а ветряная мельница – как маяк...

Картины Айвазовского были в большой цене еще при жизни мастера, что уж говорить про наше время. А подделывать его начали еще в Италии, когда он только совершенствовал свое мастерство, да и сейчас покупают копии, прекрасно осознавая, что это подделки. Настоящие же полотна художника украшают многие музеи мира, и хорошо, что он, трудясь по 10 часов в день, создал их так много. Творческим наследием Ивана Константиновича гордятся три государства – Украина, Россия и Армения, и он по праву считается мастером планетарного масштаба.

Феодосия. Корни. Детство

Древние греки из Милета в VI в. до н. э. основали свою торговую факторию на берегу прекрасной бухты и назвали поселение Феодосией, что значит «Дар богов». За много веков город познал периоды славы и богатства, в заливе кипела шумная торговля, привлекавшая сюда греков, турков, татар и армян, игравших заметную роль в его жизни и в жизни всего полуострова Крым. Однако к XIX веку Феодосия превратилась в небольшой провинциальный городок. Сюда-то и перебрался из Галиции (тогда территория Польши) торговец Геворг Гайвазян – потомок древнего армянского рода, уехавшего из родных мест (Турецкая Армения) еще в XVII веке, спасаясь от геноцида, развязанного турками.

Следует отметить, что в книге воспоминаний Николая Кузьмина о его друге Иване Айвазовском, которая была издана в 1901 г., приведены сведения о его турецких корнях, записанные со слов самого художника. Героико-романтическая история повествует, что дед великого мариниста был турком и погиб в жестоком бою с солдатами русской армии при взятии крепости Бендеры. «В числе жертв их находился и секретарь бендерского паши. Пораженный смертельно одним русским гренадером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один

армянин удержал карающую руку возгласом: «Остановись! Это сын мой! Он христианин!» Благородная ложь послужила во спасение, и ребенок был пощажен. Ребенок этот был отец мой. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестив его под именем Константина, и дал ему фамилию Гайвазовский, от слова Гайзов, что на турецком языке означает секретарь». А далее со своим армянским благодетелем мальчик переехал подо Львов, получил хорошее образование и занялся торговым делом.

Документальных подтверждений этим данным нет. Точно известно, что после переселения в Феодосию отец художника стал писать фамилию на польский манер: «Гайвазовский» (полонизированная форма армянской фамилии Айвазян), а его родственники владели крупной земельной собственностью в районе Львова; однако никаких документов, бросающих более яркий свет на происхождение Айвазовского, не сохранилось. Сам художник в своей автобиографии вспоминал об отце, что тот из-за ссоры со своими братьями в юности переселился из Галиции в Дунайские княжества (Молдавию, Валахию), где занялся торговлей, а оттуда в Крым. Обосновавшись в Феодосии, Константин Григорьевич Гайвазовский (1771–1841 гг.) женился на местной красавице армянке Репсима (Аграфене) (1784–1860 гг.), и от этого брака родились три дочери и два сына, которым судьба уготовила великое будущее. Известность в мире братьев

Айвазовских несопоставима, но оба они ценны для национальных культур.

Древняя Феодосия была сильно разрушена войной 1812 года и пришла в полный упадок из-за эпидемии чумы. На рисунках того времени можно увидеть на месте когда-то процветающего города груды развалин с едва различимыми следами пустынных улиц да отдельные уцелевшие дома. Осталось в прошлом и хорошо налаженное дело семейства Гайвазовских. Однако, свободно владея армянским, русским, польским, венгерским, турецким и греческим языками, разорившийся купец 3-й гильдии Гайвазовский стал помогать горожанам составлять судебные документы и жалобы и одновременно исполнять должность старосты на феодосийском базаре. Феодосийцы знали его как человека удивительной честности и доверяли вести различные тяжбы. Несмотря на купеческую деятельность, Гайвазовский тянулся к просвещению и искусствам, любил писать стихи и прозу на армянском языке, которые его жена проникновенно читала на семейных и общественных торжествах. К тому же Репсима была искусной вышивальщицей, и ее мастерство не раз выручало семью в трудные времена. У большинства местных щеголих в гардеробе непременно были вещи, вышитые ее умелой рукой.

17 июля (29 июля по новому стилю) 1817 года священник Мкртич армянской церкви Феодосии сделал запись о том, что родился «Ованес, сын Геворга Айвазяна» – будущий ху-

дожник с мировым именем Иван Константинович Айвазовский, который свои письма на армянском языке всегда подписывал «Ованес Айвазян».

И старшего сына Саргиса (1812–1880 гг.), и младшего Ованеса родители воспитывали в национальных патриархальных нормах, прививали им любовь и уважение к старшим и к окружающим людям. Семейные традиции сыграли огромную роль в становлении братьев, которые всю жизнь принимали активное участие в общественной жизни и занимались благотворительностью. Сначала они учились в армянской приходской школе Феодосии, но в 1826 году их пути разошлись. Многодетная семья находилась в настолько тяжелом материальном положении, что Геворг Айвазян отдал старшего сына Саргиса (впоследствии в монашестве – Габриэл) купцу-армянину для определения его в лицей Мурат-Рафаелян на острове Св. Лазаря в Венеции. Через несколько лет Саргис принял монашеский постриг и был причислен к братству мхитаристов (армянский католический монашеский орден). Уже в 22 года он получил сан священника и степень магистра богословия. Габриэл стал одним из лучших преподавателей лицея, не имея себе равных в лингвистике и филологии: он владел двадцатью европейскими и восточными языками, что позволило ему переводить и издавать на армянском языке французские, итальянские и русские сочинения. В 1836–1837 гг. Габриэл написал и выпустил в Венеции ряд своих сочинений, среди которых боль-

шой словарь армянского языка в двух томах, историческое описание к «Истории Армении» на итальянском языке, «История Османской империи» в двух частях. Казалось, дороги братьев разошлись далеко, но им еще предстояло встретиться...

И если у Габриэла были склонности к языкам, то Ованес еще маленьким мальчиком проявлял исключительные способности в рисовании и музыке – он довольно хорошо играл на скрипке, хотя был самоучкой. Ему на все хватало времени, несмотря на то что с 10 лет он работал «мальчиком» в городской кофейне – из дома уже были проданы все мало-мальски ценные вещи, и нужда все чаще стояла у двери. В кофейне часто играл на скрипке рапсод Хайдар, и у него Ованес научился множеству мелодий и песен и вместо музыканта сам развлекал посетителей. А однажды один из капитанов исполнил заветную мечту мальчика – он подарил ему скрипку.

Как и все ребята, Ованес много времени проводил на море, которое зачаровывало его постоянно меняющимся цветом волн и величественными кораблями. Да и с террасы скромного родительского дома, стоявшего на окраине Феодосии, представала взору роскошная панорама на Феодосийский залив и крымскую степь с древними курганами, Арабатскую стрелку и бесплодные Сиваши, дымкой мерцающие у горизонта.

Много времени проводил Ованес и у развалин средне-

вековых крепостных стен с башнями и бойницами, которые двойным кольцом окружали город. Он часто находил древние черепки и позеленевшие от времени монеты. Своей красотой и живописностью его привлекали старинные постройки древних армянских и греческих церквей, караимские кенасы и еврейские синагоги, турецкие и татарские мечети, каменные фонтаны... Все это будоражило воображение мальчика, уносило его в мечтах в далекие морские походы и неизведанные страны. На феодосийском рейде помимо просмоленных рыбацких фелюг часто становились на якорь боевые корабли Черноморского флота. С замиранием сердца Ованес смотрел на великолепный красавец-бриг «Меркурий», команда которого победила в неравном бою, с упоением слушал рассказы повидавших виды моряков. Романтика побед, одержанных на море, суровые повествования о национально-освободительной борьбе греческого народа против османского ига (1821–1829 гг.) находили отзвук в его душе, ведь и родная ему Армения изнывала под властью турок. Все это рано пробудило у Ованеса стремление к творчеству и определило многие своеобразные черты его таланта, ярко выразившиеся в процессе формирования его дарования.

Когда мальчик видел, как в открытом море появляется медленно плывущий к берегу корабль и солнце – в зависимости от времени суток – меняет окраску его белых парусов от розового до алого – в нем росло острое желание нарисовать этот корабль, уверенно рассекающий волны. И однажды

Ованес выбрал кусок самоварного угля и на белой стене домика начал рисовать корабль. Отец, застав сына за этим занятием, не стал бранить его, а дал листок пожелтевшей плотной бумаги и хорошо отточенный карандаш. Но как ни берег мальчик такой ценный подарок, бумага вскоре кончилась.

В те годы Ованес очень много и с увлечением рисовал: он писал людей, пейзажи феодосийского рейда, море и парусные корабли на рейде, копировал народные картинки и гравюры с эпизодами восстания и портреты героев греческого народа. На склоне лет знаменитый художник вспоминал: «Первые картины, виденные мною, когда во мне разгоралась искра пламенной любви к живописи, были литографии, изображающие подвиги героев в исходе двадцатых годов, сражающихся с турками за освобождение Греции. Впоследствии я узнал, что сочувствие грекам, свергающим турецкое иго, высказывали тогда все поэты Европы: Байрон, Пушкин, Гюго, Ламартин... Мысль об этой великой стране часто посещала меня в виде битв на суше и на море».

На всех подвернувшихся под руку листах бумаги (и даже на страницах книг, за что был бит) Ованес изображал и копировал виденное, а когда не хватало бумаги, самым подходящим местом для рисования снова оказывались побеленные стены родительского дома.

Счастливая встреча

До сих пор в Феодосии пересказывают легенду о мальчишке, рисовавшем самоварным углем на беленых стенах домов армянской слободки. Современник и преданный друг И. К. Айвазовского Николай Кузьмин писал: «Неуверенной детской рукой начал он карандашом первые работы и нарисовал в 1829 году, 12-летним ребенком, ряд морских картинок, портретов военных героев Греции и сцен из восстания Греции, а также срисовывал виды турецких крепостей, прославленных подвигами русского оружия. Не довольствуясь этими рисунками, развешанными в квартире отца (отец его имел в ту пору еще обветшалый, полуразвалившийся домик на краю города Феодосии; я осматривал вместе с Иваном Константиновичем этот скромный дом вблизи старой Генуэзской слободки), он рисует на наружных стенах отцовского дома, и эти рисунки, изображающие военные типы, заставляют останавливаться толпами прохожих, простодушно дивившихся таланту мальчика-художника».

Градоправитель Феодосии А. И. Казначеев прослышал о талантливом мальчишке от архитектора Коха, который не раз спасал Ованеса от наказания за «испорченные» углем стены домов и каменных заборов и дал ему несколько ценных уроков. Однажды Александр Иванович приехал в армянскую слободку посмотреть, правду ли говорят о чудо-ре-

бенке. Словно подгадав к приезду градоначальника, Ованес изобразил стоящего в карауле солдата в полной амуниции, да еще и в натуральную величину, благо, что размер стены дома это позволял. Казначеев не остался равнодушным к судьбе юного таланта: первым делом он подарил Ованесу пачку настоящей рисовальной бумаги и ящик с первыми в его жизни акварельными красками, а затем предложил брать уроки рисования вместе со своими детьми у архитектора Коха. Так настенный рисунок изменил весь ход жизни армянского мальчика.

Александр Иванович и в дальнейшем принимал самое активное участие в судьбе Ованеса. По очередной счастливой случайности, когда в 1830 году мальчик окончил армянскую приходскую школу, Казначеев был назначен губернатором Тавриды и, отбывая в Симферополь, взял его с собой и добился принятия в Симферопольскую гимназию. Понятно, что без такого надежного покровителя у Гайвазовского было бы мало надежды получить дальнейшее образование. Ему льстило, что такие знатные господа слушают его игру и хвалят рисунки, он был им благодарен. Из его жизни ушла нужда – Иван (так стали называть Ованеса) больше не ходил зимой в ветхой одежде и в дырявых башмаках. Теперь у него была теплая гимназическая шинель, отдельная комната, книги, рисовальная бумага, карандаши и краски!

Три года, которые Иван прожил в семье Казначеева, не прошли для него напрасно. Он много читал, но еще боль-

ше времени уделял рисованию – писал с натуры и копировал с гравюр. Вскоре успехи молодого художника стали столь заметны, что на него обратили внимание представители высших городских кругов. Так Гайвазовский получил право пользоваться великолепной библиотекой в доме Н. Ф. Нарышкиной и делать копии с понравившихся иллюстраций. Наталья Федоровна была настолько уверена в исключительном даровании мальчика, что, обладая большими связями, начала ходатайствовать не только о приеме Ивана в Петербургскую Академию художеств, но и доказывала необходимость отправить его для обучения живописи в Рим. Через своего знакомого архитектора Сальваторе Тончи она хлопотала об определении Гайвазовского в Императорскую Академию художеств на казенный счет. Нарышкина писала: «Примите его под свое покровительство... Он похож на Рафаэля и с его же прекрасным выражением в лице. Как знать, может быть, он сделает честь России...» К письму был приложен рисунок молодого художника.

При содействии влиятельных столичных чинов Нарышкиной удалось добиться желаемого результата, несмотря на то, что мальчик еще не достиг приемного возраста. Отосланные в Петербург рисунки произвели впечатление, но в заграничном обучении Ивану было отказано. Так, президент Академии художеств А. Н. Оленин в письме к министру двора князю П. М. Волконскому отметил: «Молодой Гайвазовский, судя по рисунку его, имеет чрезвычайное расположение к ком-

позиции, но как он, находясь в Крыму, не мог быть там приготовлен к рисованию и живописи, чтобы не только быть посланным в чужие края и учиться там без руководства, но даже и так, чтобы поступить в штатные академисты Императорской Академии художеств, ибо на основании § 2-го прибавления к установлениям ее, вступающие должны иметь не менее 14-ти лет, рисовать хорошо, по крайней мере, с оригиналов человеческую фигуру, чертить ордена архитектуры и иметь предварительные сведения в науках, то, дабы не лишать сего молодого человека случая и способов к развитию и усовершенствованию природных его способностей к художеству, я полагал единственным для того средством высочайшее соизволение на определение его в академию пенсионером его императорского величества с производством за содержание его и прочее 600 р. из Кабинета его величества с тем, чтобы он был привезен сюда на казенный счет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.